

Итоговые построения, естественно, замыкаются на обсуждении перспектив науки — задача непростая ввиду целого ряда обстоятельств, имеющих место в современной России и уже обсуждавшихся авторами. Это и широко распространившиеся иррационалистические настроения, «странная» политика СМИ, отсутствие ясного механизма взаимодействия науки и власти, науки и бизнеса, доминирование рыночной модели преобразования науки «в мозгах» некоторых ретивых чиновников и др. Но именно означенные факторы и определяют перспективы научной политики, которая, по мнению исследователей, должна включать три составляющих: 1) внутринаучную политику, предполагающую выработку стратегии развития научных институтов, 2) принятие и реализацию системы законов, стимулирующих развитие науки и наукоемкого производства, 3) перестройку всей системы взаимоотношений науки и общества, предполагающей пропаганду достижений науки, рационализацию массового сознания.

В заключение нужно со всей определенностью сказать, что представленное вниманию читателей исследование в высшей степени заслуживает этого внимания: работа умная, интересная, содержательная, с большим объемом фактического материала, написанная ясным слогом, популярная в лучшем смысле этого слова, с отчетливо выраженной авторской позицией.

Рецензенты: кандидат социологических наук *Н. А. Ащеулова*, кандидат филологических наук *В. М. Ломовицкая*

Е. В. Васильева.

**Политика советского государства в области науки
как фактор трансформации социальной структуры
научной интеллигенции Дальнего Востока.**

Владивосток, 2011. 294 с.

В каждой стране кадровая составляющая научной политики приобретает специфические формы. В целом, несмотря на различия, кадровая политика сводится к участию государства в формировании социальной структуры научной интеллигенции, установлении определенных связей между ее группами. Государственное участие особенно значимо на раннем этапе — этапе создания научных кадров определенной специализации с учетом территориального распределения ученых, их статусно-ролевого позиционирования и ряда других характеристик. Влияние государственной политики советского периода на социальные характеристики научных кадров на Дальнем Востоке — тема, которую Е. В. Васильева исследует в своей монографии.

Количество публикаций, посвященных анализу государственной политики в области отечественной науки советского периода, выполненных социологами

науки в начале XXI века, весьма незначительно. Среди работ, оказавших влияние на автора, указываются публикации Е. З. Мирской, Э. И. Колчинского, Л. Г. Берлявского, Г. А. Быковской, А. Л. Пелих и др. Полемизируя с ними по ряду методологических вопросов, автор монографии делает акцент на социально-политических аспектах советской истории: наличие ГУЛАГа, «шарашек», идеологических кампаний и т. д. При этом региональный уровень ретроспективного социологического исследования предоставляет возможность вскрыть конкретные механизмы влияния власти на науку с учетом обозначенных исторических особенностей.

В работе убедительно показывается, что «кадровый голод» сопровождал науку Дальнего Востока на всем протяжении ее существования. Немалую роль в этом сыграла и научная политика государства с конца 1920-х до середины 1950-х годов, создавшая как социальную, так и научную проблему. К моменту свершения Октябрьской революции в стране отсутствовал пласт научной интеллигенции, и сама наука не была институционализована, поэтому конструирование и развитие взаимоотношений двух зарождающихся в Советской России социальных систем — политической и научной — шло практически параллельно. Единая позиция по отношению к науке выработывалась у большевистской власти довольно долго. Большевики не определяли науку как социальный институт, однако проявляли заинтересованность в ней. Новая власть нуждалась в развитии производительных сил и в тех, кто создаст технико-технологические предпосылки к их формированию.

Проведя анализ обширного историко-политического материала, Е. В. Васильева делает вывод, что на протяжении всех десятилетий существования советской власти наука имела не только и не столько мировоззренческое, сколько политическое значение. Ценностные переориентации в области знания в свою очередь свидетельствовали о легитимации политических приоритетов. Носители этого знания — представители научной интеллигенции, как полагает автор, несмотря на функциональную маргинальность, в статусном отношении всегда были «...служилыми людьми, востребованными не столько обществом, сколько властью» (с. 61). Именно в ней ученые стремились обрести покровительство, в обмен предоставляя государству возможность наращивать производительные силы страны.

Эти силы были, как правило, направлены на оборонительные способности страны в военное время и задачи, связанные с завершением индустриализации, — в послевоенное. Однако, как следует из текста книги, на Дальнем Востоке ситуация была довольно неоднозначной. Периферийное положение региона, с одной стороны, вынуждало власти рассматривать его с позиций специфики приграничных территорий, и тогда развитие науки в нем имело вполне определенный смысл, а с другой — отдаленность от политических центров приводила к вынужденной автономии сложившихся там институтов. Последнее способствовало тому, что познание, в первую очередь естественнонаучные исследования (начало 1930-х годов) (с. 81), а также науки о Земле, сконцентрировались на изучении ресурсов и возможностей края. Это привело к тому, что технико-технологические исследования, являвшиеся приоритетными в центре страны, здесь стали средством, способствующим добыче и переработке ресурсов Дальнего Востока.

Используя обширный исторический материал ценнейших архивов, Е. В. Васильева описывает те организационные трансформации, которые проводились в научных учреждениях Дальнего Востока в советский период. В начале 1930-х годов — создание университетов, научных учреждений аграрного профиля, открытие Дальне-

восточного филиала Академии наук, закрытие его уже в 1939 году и повторное открытие в 1949 году (с. 82–106). Исследователь анализирует финансовые и материальные аспекты научной политики государства в исследуемый период, предоставляя читателям возможность на конкретных цифрах увидеть и оценить предпринимаемые меры государственной поддержки науки Дальнего Востока.

Подробно рассматриваются кадровые преобразования. И здесь речь идет о том, что кадровый потенциал науки во второй половине 1930-х годов формировался стихийно. Но, тем не менее, общей тенденцией кадровой научной политики явилась большевизация науки. Она сводилась к выборам действительными членами Академии наук СССР ряда коммунистов, партийных лидеров, к отбору аспирантов и стажеров по классовому принципу, замене беспартийных руководителей научных организаций и вузов коммунистами. Подобные меры научной политики привели к формированию профессионально несостоятельных идеологизированных кадров. Примирение профессионализма с идеологией было проведено посредством введения со стороны государства категории «советская наука», в результате чего действие классового принципа в отборе кадров ослабло. Автор описывает три группы беспартийной интеллигенции: первая — «активные советские работники», вторая — «колеблющиеся, политическое “болото”», третья — «противники советской власти» (с. 140). И если в отношении первой группы была проявлена идеологическая лояльность, то в отношении третьей велась открытая борьба. Дальневосточная научная интеллигенция была отнесена ко второй группе. Это так называемое «болото» требовало, по мнению властей, бдительности и выдержки. Автор монографии считает необходимым подробнейшим образом проанализировать функциональную роль региональных акторов научной политики в изменении структуры научной интеллигенции, поскольку дифференциация властных структур и территориальная отдаленность Дальнего Востока наложили отпечаток на меры кадровой научной политики со стороны структур разного уровня. Отдельное место отведено описанию местных репрессивных органов, основной функцией которых была функция контроля через применение поощрительных и карательных санкций. На Дальнем Востоке в управление государственной безопасностью были отобраны сотрудники, имевшие опыт работы в чекистских органах, имевших доступ к разведывательной информации, сбор которой производился агентурной сетью, сформированной еще во времена Гражданской войны. Практически на каждого представителя научной интеллигенции заводилось агентурное дело, заключавшее в себе информацию не только о политических взглядах, но и профессиональной и личной жизни. Если в начале–середине 1920-х годов аресты были достаточно редки и заканчивались, по выражению автора, «профилактическими беседами» (с. 254), то с конца 1920-х ситуация принимает катастрофический оборот. Е. В. Васильева называет 1929 год годом «великого перелома», поскольку именно тогда начинается деформация социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока по основаниям «профессия» и «уровень квалификации» со стороны государственных органов (с. 256). С начала 1930-х годов аресты в среде ученых обрели плановый характер. Кроме того, контрольно-репрессивные меры стали распространяться и на издательскую деятельность. Наиболее жесткое давление интеллигенция Дальнего Востока испытала во второй половине 1930-х годов, когда в 1936–1938 годах были произведены крупные аресты среди ученых. В последующем аресты в среде научной интеллигенции стали явлением более редким, пока к середине 1950-х не сошли на нет.

В заключение исторического анализа автор отмечает, что идеологический компонент оказал деформирующее воздействие на компонент когнитивный. В дополнение к этому существовавшая система управления научными учреждениями была столь громоздка, что согласовать ее звенья было практически невозможно. Это привело к тому, что в масштабах государства процесс социальной трансформации структуры научной интеллигенции оказался почти неуправляемым (с. 290–291).

В заключение следует отметить, что в работе анализируются структурно-функциональные особенности политических институтов, приведшие к тому, что Дальний Восток того периода превратился в источник сырья, «сырьевой придаток», прежде всего за счет биологических ресурсов. В монографии внятно продемонстрировано, что в разное время селекция научных кадров носила как конструктивный, так и деструктивный характер. Деформирующая роль селекции отразилась на профессиональной составляющей: либо вообще исчезли некоторые структурные компоненты, либо существенно сократилась численность занятых кадров. Остались лишь те отрасли знания, которые представляли интерес для властей.

Важно зафиксировать, что в монографии воссоздаются исторические события, имевшие место по всей стране, что делает работу ценным историческим документом. Исследование имеет серьезное документальное оснащение, основано на уникальных архивных материалах. Автор вводит множество архивных документов, которые настолько интересны, что зачастую подавляют социологическую составляющую проведенного научного анализа.

Необходимость выхода в свет этой книги несомненна, имея в виду ее проекцию на советское общество в целом, а также нейтральность оценок автора.

Рецензент: кандидат социологических наук *С. И. Бояркина*